

По главной линии

Полковник Волков заметно выделялся среди сослуживцев: высок, статен, красив той зрелой, мужественной красотой, которая сражает наповал и юных дев, и дам бальзаковского возраста. Обильная седина густых, слегка волнистых волос и глубокие морщины на открытом челе ничуть не портили его облика, а только подчёркивали благородство и жизненный опыт их обладателя. Даже в политическом управлении округа, куда в те, заповедные, годы отбирали лучших из лучших офицеров-политработников, блистал Игорь Николаевич Волков своим умом и славился необычайно широким кругозором, умением говорить ясно и доходчиво, размашисто и афористично, поражая слушателей энциклопедическими познаниями в области отечественной истории и международных отношений, цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и современной литературы. К тому же он, единственный, кроме члена военного совета – начальника политуправления округа генерал-лейтенанта Зинченко, обладал учёной степенью кандидата наук, только не исторических, как у генерала, а философских. По этой или по какой-то иной причине Волков пользовался особым расположением Зинченко и мог без предварительной договорённости входить к нему в кабинет и достаивался чести подолгу беседовать наедине. Прежде это удавалось только двум людям: первому заместителю Зинченко генерал-майору Плаксину да начальнику отдела кадров полковнику Фоменкову.

Личные выдающиеся качества Волкова, прослужившего в политуправлении чуть больше года, и непонятная благосклонность к нему старших начальников делали его среди сослуживцев человеком легендарным и даже в чём-то таинственным.

– Нашему Игорю Николаевичу, прирождённому златоусту, прямое место в Главпуре! Таких, как он, пропагандистов во всём Союзе по пальцам перечесть можно... Да таких, как он, просто не найти! – переговаривались о нём товарищи после очередной лекции, прочитанной Волковым в окружном Доме офицеров, не переставая удивляться, как такой ценный «кадр» попал служить к ним, в «тыловой», третьеразрядный округ.

В самом деле, оказался Волков на Урале неожиданно. Свалился, можно сказать, как снег на голову в майский день, и сразу был назначен на только что открывшуюся вакансию лектора политуправления, на которую многие из местных идеологов давно нацеливались, да получили в связи с приездом Волкова от ворот поворот. Поговаривали, что с переводом полковника в Свердловск была связана какая-то история. Но вот какая? Этого никто не знал, кроме, конечно, генерала Зинченко и полковника Фоменкова. А те умели держать язык за зубами.

Капитан Федя Востряков, служивший в политуправлении старшим инструктором отдела комсомольской работы, смотрел на полковника Волкова, как на явленный ему вдруг идеал настоящего мужчины и офицера. Волков вызывал в нём чувства, близкие по своему накалу к влюблённости. И потому Востряков взирал на полковника восторженно, слушал его выступления с особым вниманием, старался подражать его манере держаться, вскидывая высоко лобастую голову и то и дело распрямляя неширокие от природы плечи и сутуловатую спину.

При этом Востряков не только заговорить со своим кумиром, но даже подойти к нему стеснялся. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он вместе с Волковым не попал в одну из групп штаба округа, отправленных для проверки итогов боевой и политической подготовки в отдалённый гарнизон, где дислоцировалась учебная танковая дивизия. Полковник Волков, естественно, был назначен в группе политработников старшим, а Востряков оказался у него на подхвате.

По приезду на место проверки полковник чётко распределил обязанности: он, Волков, будет писать отчёт о работе, а Востряков должен снабдить его всей необходимой информацией, иначе говоря, фактурой: где, сколько и когда совершено нарушений воинской дисциплины – самоволок, фактов неуставных взаимоотношений, употребления спиртных напитков и наркосодержащих веществ, кто из командиров эти нарушения покрывает и служит спустя рукава, а также – выполняется ли план политзанятий, как организована работа партийной и комсомольских организаций, спланирован ли досуг солдат, офицеров и членов их семей, ведётся ли военно-шефская работа...

От перечня задач у Вострякова даже голова закружилась, но, не желая ударить в грязь лицом перед полковником Волковым, он впрягся в работу и заметался по гарнизону как ужаленный, выискивая необходимую информацию о недоработках коллег.

Востряков рыл, как аппарат глубокого бурения, и нарыл! И приписки в книгах учёта дисциплинарных взысканий, и ненаписанные протоколы собраний военнослужащих, и случаи очковтирательства со стороны старших начальников, и грубость с подчинёнными, и бытовое пьянство... Фактуры оказалось столько, что Волков только удивлённо головой покачал. Закрывшись в гостиничном люксе, в котором его разместили, он за ночь написал такой акт проверки, что начальник политотдела Салыгин только за голову схватился:

– Не губите, Игорь Николаевич, меня же в академию Генштаба поступать не отпустят... Я в этом году вызова жду... Обещаю, честью офицера клянусь – немедленно все недостатки устраним!..

Волков не был кровожадным человеком и акт переписал, а благодарный начпо накрыл для проверяющих, как водится в таких случаях, поляну на берегу узенькой речки Камышловки, с шашлыком, коньяком и комсомольскими песнями под гитару, которые по случаю счастливо завершившейся проверки сам и исполнил.

Вечером в гостинице, будучи подшофе, Волков пригласил Вострякова «отлакировать» выпитое на пикнике – у него в холодильнике ещё одна бутылка коньяка оказалась. Они выпили. И Востряков дерзнул задать полковнику вопрос, который давно волновал не только его самого, но и других офицеров политуправления:

– Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а где вы служили до нас?

Волков снял галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке:

– Во Львове, Федя. Начальником кафедры марксистко-ленинской философии в политическом училище.

– Вот это да! Кафедра марксизма-ленинизма! Так это же ведущая кафедра! С неё прямая дорога на старшего преподавателя в Академию имени Ленина, в Москву...

Волков усмехнулся:

– Бери выше, капитан! Мне прямая дорога в Главпур светила!

– И что?.. – округлил глаза Востряков.

Волков с ответом не торопился. Плеснул в рюмки коньяку и внимательно поглядел на Вострякова:

– А то, мой юный друг, что перевод не состоялся. Погорел я по главной линии.

– Это по какой по главной? – заёрзал Востряков.

Волков криво усмехнулся:

– По женской части...

Востряков возрился на своего кумира с недоверием:

– Вы, Игорь Николаевич, и по женской части? Ни за что не поверю, товарищ полковник! Неужели аморалка?..

– Хуже!

– Да что же может быть ещё хуже? – Уши у Вострякова покраснели.

– Идеологическая диверсия, капитан. Настоящая идеологическая диверсия...

Два года назад полковника Волкова вызвали на собеседование в Москву в Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота.

Предмет собеседования хотя и не был обозначен в телефонограмме, от него не скрывался: Волков являлся кандидатом для назначения на высокую должность в управление пропаганды и агитации самого могущественного военно-политического ведомства, работающего, по сути, как один из отделов ЦК партии. Знакомый офицер Главпура в частном разговоре проинформировал Волкова, что вопрос о его переводе в Москву практически решён и предстоящее собеседование – не более как формальность или, можно сказать, смотрины. Поэтому в вагон СВ поезда «Львов – Москва» Волков, надевший по случаю предстоящей встречи с высоким начальством специально пошитый и тщательно отутюженный китель, сел в самом радужном настроении.

До самого Киева он ехал один, предаваясь приятным размышлениям о будущей столичной службе и её дальнейших перспективах.

В столице советской Украины в купе впорхнула молодая особа неопределённого возраста. Даже опытный мужчина, каким Волков, несомненно, являлся, с трудом определит ту хрупкую грань, за которой современные представительницы прекрасного пола из весеннего возраста перебираются в летний, а то и в осенний – настолько современная мода с этими мини-юбочками и брючками, косметика и краска для волос умело микширует все эти переходы.

Небрежно бросив сумочку на свою полку, она окинула Волкова быстрым изучающим взором больших зелёных глаз, обладающих удивительной формой, слегка раскосых и широко посаженных на милом юном личике с лёгкими ямочками на упругих щёчках и пухлым чуть приоткрытым ротиком.

Она задорно поздоровалась и, не дожидаясь ответного приветствия, представилась:

– Меня зовут Софья. Можно просто Софочка... – улыбнулась она, смешно наморщив аккуратный носик, и с чуть заметной хитринкой поглядела на оторопевшего от неожиданного напора Волкова. – Ой, простите, кажется, я нарушила нормы этикета: первым при знакомстве должен представляться мужчина...

– Волков, Игорь Николаевич. Для вас просто Игорь... Рад знакомству, Софочка, – невольно повёлся Волков и не удержался от комплимента: – Удивительно, что современная молодёжь знает об этикете...

– Я знаю не только об этикете, – рассмеялась Софочка и тут же принялась рассуждать о новом снимающемся в Италии фильме Тарковского «Ностальгия», о стихах Мандельштама и Пастернака, об эмбарго США на импорт ливийской нефти и о высадке аргентинских войск на Фолклендские острова...

Полковник Волков находился в том пограничном мужском возрасте, когда обаяние юности особенно чувствительно. Подивившись такой необычной эрудиции молодой спутницы, глядя на неё слегка замаслившимся взглядом, он по-павлиньи распушил перья и включился в диалог, демонстрируя все присущие ему лучшие качества – образную речь, всесторонние академические познания и железную логику.

Софочка задорно улыбалась ему, время от времени задавая интересные вопросы и вставляя в разговор меткие и ироничные замечания. Она была исключительно приятной собеседницей и демонстрировала Волкову чувство симпатии, а может быть, и чего-то большего...

Вечером они сходили в вагон-ресторан, расположенный по соседству, выпили шампанского, съели мороженого и вернулись в купе. Ещё немного поболтали и, пожелав друг другу доброй ночи, улеглись каждый на свою полку.

Утром их разбудил проводник, объявив, что поезд прибывает на Киевский вокзал. На перроне она весело помахала ему рукой и, грациозно, как цирковая лошадка, переставляя точёные ножки на шпильках, в считанные мгновения скрылась в толпе прибывших и встречающих.

Полковник Волков спохватился, что даже не попросил у Софочки номер телефона, глубоко вздохнул, как вздыхают о недостижимом или навеки утраченном, и отправился напрямиком в Главпур.

Как и предупреждал его знакомый офицер, смотрины оказались простой формальностью. С Волковым благожелательно побеседовали начальник управления кадров и начальник управления агитации и пропаганды. Волкова провели по всем кабинетам и представили будущим сослуживцам. А ближе к вечеру он поехал на вокзал, откуда благополучно убыл во Львов.

Начальник управления кадров Главпура пообещал Волкову, что приказ не заставит себя ждать. Но прошла неделя, затем вторая, а приказа всё не было. И тут Волкова неожиданно вызвали в особый отдел округа к генерал-майору Скрыге.

Начальника военной контрразведки Волков знал лично, так как несколько раз выступал у него в отделе с лекциями о международном положении. Однажды генерал удостоил его аудиенции у себя в кабинете и, поблёскивая золотом коронок, делавших его улыбку ослепительней, чем у цыганского барона, расчувствовавшись, напоил кофе с коньяком из небольшой старинной чашечки с изображённой на ней эмблемой НКВД.

На этот раз, стоя под портретом Феликса Дзержинского, Скрыга встретил Волкова официально, без улыбки. Сухо поздоровался, пригласил присесть.

Волков устроился сбоку длинного стола, торцом упирающегося в генеральский.

– Что же вы себя так подводите, товарищ полковник? – с какой-то жалостью в голосе спросил Скрыга, садясь в своё кресло.

– Извините, товарищ генерал-майор, не понимаю, о чём вы говорите...

– Да что тут непонятного. Мы, значит, согласовали ваше выдвижение в Главпур, а вы... – генерал сделал паузу, которой и воспользовался Волков:

– ...А я с успехом прошёл собеседование в Москве и жду приказа о назначении...

Скрыга нахмурился:

– Собеседование-то вы прошли. Это нам известно. А вот это что? – Он извлёк из стола импортный портативный магнитофон размером с сигаретный блок, щёлкнул кнопкой, и из динамика раздался милый, с чуть заметной картавинкой голосок Софочки:

– ...Полагаю, нашим радиослушателям будет интересно узнать, что думает о партийном руководстве в СССР начальник кафедры марксизма-ленинизма одного из военно-политических училищ полковник Игорь Волков...

А затем раздался его, Волкова, голос:

– ...конечно, руководство страны нуждается в обновлении... Мир стремительно молодеет, а наши кремлёвские старцы не поспевают за ним и только вешают друг другу на грудь очередные Звёзды Героя, словно медальки за выслугу лет...

В груди у Волкова всё сжалось и похолодело. Да что там похолодело – вмиг покрылось инеем с палец толщиной. Он тут же вспомнил, что под шампанское рассказывал Софочке анекдоты про генерального секретаря и верного ленинца, с трудом выговаривающего слово «систематически» так, что звучит оно у него как «сиськи-матиськи», и про то, что «напрасно враги распускают слухи, будто вместо руководителя страны в его правительственной машине возят чучело. Это всё неправда, ибо вместо чучела ездит он сам...» Ах, как она задорно смеялась в ответ...

Но запись с анекдотами генерал Скрыга демонстрировать не стал. Он, словно желая добить Волкова контрольным выстрелом в голову, ткнул в его сторону указательным пальцем:

– Вы хоть знаете, кому вы давали интервью?

– Да никакого интервью и не было... – Волков начал торопливо и путано объяснять, что просто беседовал с попутчицей, и не было у неё никакого диктофона, и вообще она – студентка университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы – выдающегося борца за освобождение чернокожих...

Скрыга сурово оборвал его:

– Это вы думаете, что просто беседовали со студенткой университета Патриса Лумумбы. На самом деле с вами в купе ехала Софья Гринбер, штатный сотрудник Моссада, подвизающаяся на ниве радиожурналистики. Она вполне профессионально раскрутила вас на неблагоприятные высказывания и политически близорукие заявления, способные нанести урон репутации нашей великой Советской Родины. Так что, гражданин Волков, вы вольно или невольно оказались втянутыми в идеологическую диверсию и приняли в ней самое непосредственное участие...

Услышав вместо привычного «товарищ полковник» обращение «гражданин», которое в устах особиста ничего доброго не предвещало, Волков побледнел. От осознания произошедшей катастрофы сердце у него сдавило. Он попросил стакан воды у генерала. Генерал плеснул ему в стакан воды из гранёного графина. Волков сделал несколько судорожных глотков и замер, ожидая решения своей участи.

Скряга, между тем, встал из-за своего стола, обошёл Волкова и уселся напротив, оглядел полковника пронизательным взором и неожиданно перешёл на товарищескую манеру разговора:

– Не знаю, в какой счастливой рубашке вы родились, Игорь Николаевич, но ваши идеологически невыдержанные откровения не дошли до адресата и не прозвучали в передаче «Голос Америки». Скажите спасибо, что органы госбезопасности успели перехватить сделанную Гринбер «закладку» и она не ушла за рубеж. Иначе говорили бы с вами в другом месте.

– Что же будет со мной, товарищ генерал-майор? Я же и предположить не мог, что она... агент... Обычная советская девушка... – только и выдавил из себя Волков.

Скряга изложил диспозицию так, как она виделась с высоты его положения:

– Ну, о Главном политическом управлении вам, Игорь Николаевич, придётся забыть. Надолго, если не навсегда. Я уже отозвал своё согласование и по своей линии ситуацию доложил. Простите великодушно, но – долг службы обязывает. Да вы и сами всё должны понимать. И с кафедрой вам тоже придётся распрощаться. Нас не поймут, если ведущую кафедру в высшем военно-политическом училище будет занимать офицер, как бы помягче сказать, не умеющий держать язык за зубами...

Волкову стало ясно, что на карьере придётся поставить крест:

– Мне что же рапорт на увольнение писать?

Перемену в его настроении Скряга уловил сразу, как опытная гончая улавливает запах добычи:

– Это лишнее, товарищ полковник. И добрый конь на скаку оступается... Такими профессионалами, как вы, разбрасываться непозволительная роскошь... – Генерал побарабанил пальцами по столу. – А знаете, я в давних добрых отношениях с генералом Зинченко, членом военного совета на Урале. Переговорю-ка я с ним... Может, отыщет вам местечко в Свердловске, у себя под крылом. Человек он умный и опытный, служить с таким одно удовольствие. Да и опорный край державы – это вам не наш «западэнский Львив». Урал окажет на вас благотворное воздействие... И ещё, считайте это моим дружеским напутствием: будьте осторожнее в высказываньях. Вторую ошибку вам не простят...

– Вот так я и попал на Урал... – Полковник Волков умолк, а потом добавил, глядя прямо в глаза капитана Вострякова: – Надеюсь на вашу порядочность, Фёдор, прошу о нашем разговоре никому ни слова... И поскольку у вас вся жизнь впереди, не сочтите за менторство, сами не окажитесь в подобной ситуации...

– Буду стараться, – пробормотал Востряков и всё же не удержался ещё от одного вопроса: – Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а почему же линия-то главная?

– Главная линия потому, что больше всего нашего брата именно на ней и сгорает синим пламенем.

Востряков вернулся в свой скромный номер и долго не мог уснуть, заново перебирая в памяти рассказ полковника, лучезарный образ которого в его глазах после услышанного несколько потускнел: «Вот вроде бы умный, красивый, сильный человек, и так попал впросак... Тоже мне главная линия!.. Нет, со мной ничего подобного никогда не случится! А если и встретится на пути шпионка из Моссада, из ЦРУ или даже из МИ-6, я ей ни за что на крючок не попадусь! Не зря же до политуправления секретарём дивизионного разведбата служил...»

Но «главная линия» всё же коснулась Вострякова. Неожиданно и совсем с другого бока. Жена его Лиза вдруг задумала – ушла к капитану из тылового управления округа. Спустя пару месяцев она подала на развод. Вскоре и суд состоялся, после которого Вострякову пришло письмо, извещавшее, что их брак расторгнут.

Вскоре Вострякова вызвал к себе полковник Фоменков и оговорил:

– Придётся вам, товарищ капитан, из политуправления уйти. У нас разведенцам не место.

Востряков съёжился, хотя Фоменков и пообещал:

– Переведём вас на равнозначную майорскую должность. Служить будете здесь же, в Свердловске, в политотделе спецчастей гарнизона. Вы же бывали там, на углу Восточной и Декабристов.

Кадровик не обманул. Вострякова вскоре назначили пропагандистом в спецчасти. И вроде бы должность равнозначная, и с неё в академию поступать можно, и город тот же, и квартиру ему с Лизой помогли разменять на две однушки в разных концах города, так что по общежитиям мыкаться не пришлось. Ан нет, дальнейшая карьера у Вострякова не сложилась. В академию он так и не поступил – разведенцев туда тоже не брали... Получив майора, на своём пропагандистском кресле так и дослужил до сокращения Вооружённых сил. Совпало это с перестройкой, когда никто уже вопросом о сохранении «ценных кадров» не озадачивался. Написал рапорт – и гуляй! Радуйся, что получил выходное пособие и уволился не где-то в захолустье, а в столице Среднего Урала.

С полковником Волковым судьба свела Вострякова ещё раз, когда он поступил в заочную аспирантуру уральского госуниверситета и на кафедре философии готовил к защите кандидатскую диссертацию на тему «Генезис феномена женской неверности от матриархата до наших дней».

Волков к тому времени тоже уволился из армии и состоял в учёном совете университета. Он вылезал быть у Вострякова официальным оппонентом и на защите, которая прошла блестяще, бросил в корзину бывшего сослуживца свой белый шар. Что в общем-то и не удивительно: линия научного поиска была выбрана главная...

2021

Шпион, выйди вон!

Француз говорил по-русски без всякого акцента, так, как в России уже не говорят. Чётко очерчивая каждое слово, он произносил фразы степенно, с осознанием значимости сказанного и в то же время вальяжно и даже высокопарно. Словом, изъяснялся, как это называли в старину, высоким штилем.

Слушая импозантного, с холёной бородкой а-ля Николай II иностранца, которого представили как известного слависта Луи Гюссара, Пронин то и дело ловил себя на мысли, что это вовсе и не француз никакой, а коренной «русак» – наследник эмигрантов первой волны, из числа той самой дореволюционной знати, что после семнадцатого года на пароходах и поездах покинула распавшуюся Российскую империю и перекочевала на Елисейские Поля. С представителями упомянутой знати – всеми этими великосветскими князьями и графами, камергерами и камерюнкерами – Пронин никогда прежде не сталкивался, но был уверен, что эта пресловутая знать так и говорила, потому что именно так общались между собой герои произведений дореволюционной отечественной классики.

Луи Гюссар делал доклад на международном литературном семинаре в Гданьске. На семинар Пронина заманила его давняя знакомая – московская критикесса и литературовед Нонна Умнова. С Нонной Пронин познакомился четверть века назад на последнем Всесоюзном совещании молодых писателей, где они обменялись своими первыми книжками, и с тех пор нет-нет да и встречались на разных писательских собраниях в Москве, куда Пронин приезжал с родного Урала. Вот уже лет пять как неугомонная Нонна собирала писателей России и зарубежья то в Варшаве, то в Сопоте и Гданьске и всё приглашала Пронина приехать. А он всё отнекивался, мол, занят – служба, дела...

До прошлого года подполковник Пронин действительно служил: руководил отделом боевой подготовки окружной военной газеты, много мотался по полигонам и «горячим точкам», где несли, говоря штампованным газетным языком, свою боевую вахту воины-уральцы. Впрочем, выезду за рубежи России препятствовали не только его загруженность служебными обязанностями, но и существующие запреты, не позволяющие действующим офицерам российской армии покидать территорию страны в частном порядке.

Но вот накатила волна очередного сокращения Вооружённых сил, и Пронина, не дав ему дослужить пару месяцев до закрытия очередного календарного года, попросили «с вещами на выход», как грустно шутил он сам, хотя ни особых вещей, ни приличной квартиры за двадцатилетнюю службу не нашёл.

Став «свободным человеком», Пронин смог отдаться в полной мере литературному труду, решив дописать, наконец, свой новый роман о последних днях семьи Романовых. Тут как раз подоспело очередное приглашение от Умновой, и Пронин согласился приехать в Гданьск.

Он, конечно, уже был наслышан о Нонниных семинарах, где собирались «сливки» современной литературы, и программа – самая насыщенная, и знакомства полезные...

Но на этот раз Умнова превзошла саму себя: нескончаемая череда встреч с польскими филологами и студентами, изучающими русский язык; лекции, доклады, обсуждения, концерты; посещения памятных мест... И гости самые что ни на есть отборные: легендарный эмигрант Дружкович, прославившийся своей скандальной книгой «Дуэль с пушкинистами»; светило современной отечественной критики Анинский, который только за прочтение страницы текста берёт с автора не меньше пяти долларов; польская издательница, обаятельная пани Малгожата, ростом под два метра; российские литераторы со всех волостей и, конечно, блистательный Луи Гюссар!

Нонна успела шепнуть на ухо Пронину, что Гюссар в молодые годы был литературным секретарём самого... Тут она назвала имя непререкаемого писательского авторитета, которого лауреат Нобелевской премии Бунин почитал за своего учителя. И ещё добавила она с придыханием, что француз – миллионер и меценат, собиратель и коллекционер книг и картин Серебряного века, и подружиться с ним просто необходимо и очень перспективно, ибо Гюссар уже нескольких российских поэтов и прозаиков приглашал к себе в Ниццу погостить. Он дружен с послом России во Франции и вполне может такую же поездку Пронину организовать...

Пронин поблагодарил Нонну за добрый совет, но про себя решил, что к слависту и миллионеру в друзья набиваться не будет: неудобно как-то и не по-офицерски... Да и что ему в той Ницце искать, когда на родном Урале природа краше?

Однако сам Гюссар неожиданно проявил к Пронину интерес.

Во время экскурсии в рыцарский замок Мальборк, где располагался музей истории Тевтонского ордена, он подошёл к Пронину. Прежде всего похвалил выступление «русского друга» на семинаре, восхитился его рассуждениями о современной литературе и выразил желание получить книгу с автографом Пронина в свою знаменитую библиотеку. Затем Гюссар стал расспрашивать, над чем Пронин сейчас работает и, узнав, что он пишет роман о последнем русском императоре и его трагической гибели в Екатеринбурге, ещё больше впечатлился. Пронин, польщённый вниманием француза, перестал дичиться и в свою очередь задал Гюссару несколько вопросов об эмигранте-классике, у которого Гюссар был личным секретарём, о его роскошной коллекции и о дружбе с выдающейся художницей Зинаидой Серебряковой...

Француз живо, в цветах и красках, стал описывать свою юность и общение с классиком, его друзьями и учениками, не преминул несколько раз сказать, что он ярый монархист и большой друг России, что на его вилле в Ницце в главном зале висит огромный портрет Николая Второго и что он, Гюссар, немало личных средств пожертвовал Николаевскому собору близ бульвара Царевича и так далее и тому подобное...

Увлечённые разговором, они отстали от основной группы экскурсантов и громогласного экскурсовода, и продолжили путешествие по каменным залам и крепостным стенам верхнего замка самостоятельно. Пронину Гюссар всё больше нравился. Похоже, и француз испытывал к нему откровенную симпатию.

На выходе из замка они зашли в ресторанчик под открытым небом. Там подавали вполне приличное пиво и копчёную камбалу, которую польская официантка смешно именовала флядрой.

По широте души Пронин заявил, что угощает нового французского друга. И миллионер-меценат с этим как-то сразу согласился. После нескольких бокалов крепкого пива Гюссар и Пронин перешли на «ты», и француз рассказал несколько смачных русских анекдотов, матерясь при этом так искусно, что у Пронина снова закралось сомнение, что француз он настоящий.

Тут к их столику стремительно приблизилась рассерженная Нонна и непривычно официально сказала, что все их уже давно ждут, что пора возвращаться в гостиницу, чтобы не опоздать на ужин, за который уплачено, и что все не могут ждать двоих...

– О да, прекрасная мадмуазель Нонна, – желая задобрить Умнову, Гюссар рассыпался в комплиментах, – я помню вашу поговорку: семеро одного не ждут! Простите нас с Мишелем... – Он тут же вскочил из-за стола, галантно расшаркался и поцеловал Умновой пухлую ручку, пальцы которой были унизаны массивными серебряными перстнями.

– О Луи! Вы – такой озорник... – тут же сменила гнев на милость Умнова, – вы, конечно, мон ами, прощены, а ты, Мишенька, – строго воззрилась она на Пронина, – первый раз за границей, а ведёшь себя с nepозволительной вольностью...

Пронин только руками развёл, дескать, что с нас, сермяжных, взять: мы такие вот, как есть.

Всю обратную дорогу в автобусе писатели, и Пронин с Гюссаром вместе со всеми, пели русские песни и в гостиницу прибыли довольные друг другом и состоявшейся поездкой.

Оказалось, что Пронин с французом живут на одном этаже, через номер друг от друга.

Прощаясь у двери своего номера, Гюссар вдруг признался:

– А я ведь, Мишель, тоже – офицер.

С Пронина весь пивной хмель как ветром сдуло – сказала армейская выучка никогда не забывать о бдительности, равно как знание о том, что Франция хоть и вышла из военной организации НАТО ещё при Шарле де Голле, но участницей политического блока этой вовсе недружественной России организации остаётся по сей день:

– Как это офицер, Луи? Ты же славист, профессор университета...

– Да, славист и профессор, но в армии служил. Переводчиком... – лихо по-гусарски покрутил кончики усов Гюссар. – Теперь, правда, давно уже в отставке...

– И в каком же звании ты вышел в отставку?..

– Подполковником, как и ты! – коротко хохотнул француз и козырнул Пронину, как равный равному: – Честь имею, господин подполковник!

Пронин хотел сказать, что к пустой голове руку в России не прикладывают, но неожиданно повторил жест Гюссара и поплёлся к себе в номер.

Ночью этот прощальный разговор с французом всё не шёл у него из головы. Во-первых, он не мог вспомнить, говорил ли Гюссару о своём воинском звании и о том, что недавно уволен в запас. А если не говорил, то откуда француз это знает? Во-вторых, ему не давала покоя военная карьера нового знакомого: как умудрился переводчик получить столь высокое воинское звание, где и сколько лет прослужил? В-третьих, Пронин не понимал, как успел Гюссар после выхода в отставку стать профессором университета? И особенно тревожило его то, чего это Гюссар к нему сегодня приклеился? После неожиданного откровения француз уже и сам его интерес к нему показался Пронину вовсе не случайным и не таким уж непосредственным...

Пронин долго гонял эти мысли взад и вперёд, пока не разолился на себя и на свою бессонную бдительность: «Вот ведь как нас вышколили, если во всех иностранцах шпионы до сих пор мерещатся! Уже Советского Союза нет давно, “холодная война” закончена. Уже и Францию, и ФРГ, и Великобританию, и даже США, будь они неладны, первые лица России называют “нашими дорогими партнёрами”, а я всё воюю и о секретах, давно выданных этим “партнёрам”, пекусь!»

Успокоив себя таким образом, Пронин наконец уснул. И проснулся со светлой головой. И до конца пребывания в Гданьске, общаясь с Гюссаром, вёл себя с ним вполне дружески и ничем свою неясную тревогу не выдавал. Они несколько раз, опять почему-то за счёт Пронина, посидели в прибрежных ресторанчиках в Сопоте и в каком-то кафе в Гданьске. Говорили о литературе и на отвлечённые темы. К вопросам военной службы каждого из них, словно сговорившись, больше не возвращались.

В день отъезда из Гданьска Гюссар напомнил Пронину о своём желании заполучить книгу с его автографом.

Пронин, извиняясь, сказал:

– Луи, у меня с собой книги нет... Но через пару месяцев, в начале сентября, должен выйти мой роман «Русское поле» в московском издательстве «Колокол». Я поеду за авторскими экземплярами и передам роман тебе через Нонну...

– Зачем же через Нонну? Я сам буду в это время в Москве на книжной ярмарке. Позвони, как приедешь, и мы обязательно встретимся... – Гюссар написал на визитке номер телефона и протянул карточку Пронину.

– Позвоню! – пообещал Пронин, пожимая французам руку.

В сентябре, получив в «Колоколе» свой роман, Пронин вспомнил об обещании и позвонил по номеру, оставленному Гюссаром.

– О Мишель! – радостно воскликнул тот. – Ты в Москве?

– Да, в столице. И у меня есть для вас, – почему-то снова перешёл на «вы» Пронин, – обещанная книга с автографом.

Гюссар предложил:

– Приезжай сегодня на ВДНХ, там в десятом павильоне в семнадцать часов будет презентация моих литературных мемуаров. Нонна и другие знакомые придут...

– Увы, Луи, я побывать на представлении книги не смогу. В это время должен быть уже на вокзале... У меня поезд в семнадцать тридцать... – отозвался Пронин со смешанным чувством огорчения и тихой радости, что не придётся сидеть с умным видом и выслушивать уже известные ему по Гданьску воспоминания об известном классике и его непревзойдённой дружбе с Гюссаром, внимать хвалебным отзывам московских коллег, желающих всеми силами богатому французу понравиться.

– Жаль, – вполне искренне огорчился Гюссар и тут же внёс коррективы: – А удобно тебе встретиться в метро, часов в пятнадцать, на станции «Парк культуры»?

Пронин прикинул, что будет двигаться как раз по этой ветке, и согласился:

– Договорились. В пятнадцать ноль-ноль буду вас ждать!

– У первого вагона в сторону центра, – как истый москвич уточнил Гюссар.

Без четверти три Пронин с книгой в руках был уже на указанной станции. Свой багаж он заблаговременно завёз на вокзал, сдал в камеру хранения и вернулся к «Парку культуры». Эта станция была ему хорошо знакома – сюда он неоднократно приезжал в Союз писателей России, чей особняк располагался поблизости, на Комсомольском проспекте.

Поглядывая на электронные часы, мерцающие над тоннелем, прохаживаясь взад и вперёд между могучими четырёхугольными колоннами, подпирающими гулкой свод станции, Пронин вдруг вспомнил о своих прежних тревогах, связанных с загадочным французским славистом, миллионером и подполковником.

«А что, если Луи и в самом деле не просто Луи, а французский шпион, агент, скажем, их военной разведки DRM¹? – при этой мысли Пронина даже бросило в жар, хотя в подземке было прохладно и по станции гуляли сквозняки от приезжающих и отъезжающих поездов. – Может, у него задача завербовать меня? Но зачем это нужно? Я обычный отставник и никакими государственными секретами давно не обладаю... А если бы даже и обладал, то не выдал бы их никакому Гюссару ни за какие французские булки... Что же мне делать?.. Не бежать же отсюда?.. Ладно, подарю свою книгу, и ореуар...» – мысленно успокаивал он себя, но покоя не находил.

И тут в голову ему пришло устроить Гюссару проверку. Пронин в книге про разведчиков читал, что профессионалы «плаща и кинжала», если назначают встречу своему связнику, то являются на неё за две минуты и обязательно проверяются – стоят где-то в стороне и осматривают подходы к месту встречи и возможные пути отступления. Ждут связника не больше двух минут и, если тот не оказывается на месте в назначенное время, немедленно уходят...

Пронин снова взглянул на метрополитеновские часы. Стрелки показывали без пяти минут три.

«Гюссар наказал ждать его в пятнадцать ноль-ноль у первого вагона в сторону центра... Если он обычный человек, то придет ровно к назначенному сроку и выйдет именно из первого вагона! Если же нет, значит...» – Пронин не успел довести мысль до конца и немедленно сменил свою диспозицию: отошёл в сторону от места прибытия первого вагона, встал за колонну и, как настоящий профессионал-разведчик, стал наблюдать.

Время замедлило свой бег и растянулось, как жевательная конфета, как будто давая ему лишнюю возможность осмотреться и всё оценить. За четыре минуты до срока, назначенного французом, прибыл очередной состав, идущий в сторону центра от «Проспекта Вернадского». Пассажиры заполнили станцию – Гюссара среди них не было. Прошёл состав в обратном направлении – француз не появился. Следующий поезд в сторону центра подошёл ровно без двух минут три. Пронин весь превратился в зрение. Если он не ошибается и его знакомый Луи профессиональный разведчик, то бишь шпион, он должен приехать именно на этом поезде.

Но Гюссар не вышел ни из первого вагона, ни из второго. Пронин уже собрался выдохнуть с облегчением – ему почему-то захотелось, чтобы симпатичный, хотя и скуповатый Луи оказался обычным человеком, известным славистом и подлинным другом России... Но тут он увидел Гюссара, стоя-

¹ Direction du renseignement militaire – спецслужба французского разведывательного сообщества, подведомственная министерству обороны.

щего почти напротив него, за такой же колонной и пристально вглядывающегося в сторону первого вагона...

«Ага! Попался, шпион!» – пронеслось у Пронина в мозгу. Он внутренне подобрался и двинулся навстречу Гюссару.

Гюссар тоже заметил его и, широко улыбаясь, вышел из своего укрытия. Они весело, как ни в чём не бывало, поговорили минут пять. Пронин вручил Гюссару свою книгу с автографом. Гюссар не остался в долгу – отдалился книгой мемуаров, и они расстались.

На этом можно было бы поставить точку в истории с французским славистом. Но она имела неожиданное продолжение.

Спустя год после знакомства с Гюссаром Пронина избрали руководителем областной писательской организации, и он задумал провести на Урале международное совещание молодых писателей. Сам статус международного мероприятия потребовал участия в нём представителей не только бывших Союзных республик, ныне независимых Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, но и стран так называемого дальнего зарубежья.

Нонна Умнова, которую Пронин пригласил руководить семинаром критики, посоветовала ему позвать Луи Гюссара, дескать, он в это время будет в Москве и Пронину не придётся тратить на билеты из Ниццы до Екатеринбурга и обратно. Это было весомым аргументом, ибо мероприятие замыслилось масштабное, а бюджет на него был выделен довольно хилый.

Не мудрствуя лукаво, Пронин в числе других почётных гостей пригласил на совещание знакомого француза.

Совещание проходило в небольшом, но с богатой историей городе Каменске-Уральском, в ста километрах от Екатеринбурга. Семинаристов разместили в санатории «У трёх пещер» на живописном берегу Исети, а почётных иностранных гостей – неподалёку, в городской гостинице.

Всё складывалось замечательно: и открытие, и работа семинаров, и персональные творческие вечера известных литераторов, которые вела неутомимая Нонна Умнова.

В конце программы устроили для участников экскурсию по городу, где был богатый краеведческий музей, муниципальный драматический театр, несколько старинных храмов...

Гюссар, которого, как званого гостя, сопровождал сам Пронин, внимательно разглядывал пушки, отлитые на Каменском заводе для Великой Камчатской экспедиции Беринга, и произведённые там же кандалы для каторжников, старинную роспись стен, утварь и иконы в храмах. Но особенно ему понравилась автобусная экскурсия по городу. Пронин, помня о своих подозрениях относительно Гюссара, строго-настрого проинструктировал девушку-гида из управления культуры никоим образом не провозить их возле оборонных предприятий. Но она так увлеклась собственным рассказом, что привезла их на площадь перед алюминиевым заводом, где подробно стала вещать о том, сколько предприятие вырабатывало алюминия в годы Великой Отечественной войны, сколько производит сейчас, как это важно для вооружённых сил и ракетно-космической отрасли...

Заметив, как заблестели глаза у Гюссара, Пронин стал делать девушке недвусмысленные знаки, мол, пора ехать дальше, нас ждёт обширная культурная программа.

По лицу француза пробежала тень недовольства, а Пронин, сделав вид, что не заметил этого, принялся рассказывать гостю, как много в городе уделяется внимания художественной самодеятельности.

Культурная программа этого дня и впрямь была насыщенной: литературно-музыкальный вечер молодых талантов с участием малой группы Уральского народного хора и зажигательными танцами гастролирующего башкирского ансамбля, прощальный ужин с семинаристами, на котором мастера читали свои стихи.

Завершил вечер фуршет для руководителей семинаров, такой хлебосольный, что в гостиницу «Каменя» Гюссара, уже изрядно захмелевшего после возлияний, под руки провожали Пронин и начальник управления культуры города Александр Шалобаев.

С фуршета они прихватили с собой авоську с тремя бутылками водки и нехитрой закуской, дабы окончательно убедить француза в уральском гостеприимстве.

В гостиничном номере быстро накрыли стол. Гюссар вяло посопrotивлялся, ссылаясь, что «уже набрался под завязку и напился до чёртиков» (он так и сказал, в очередной раз удивив Пронина своими познаниями в русском языке), но под решительным напором провожавших сдался.

Бывший пограничник и «афганец» Шалобаев, решив внести свой взнос в филологическую копилку учёного-слависта, заявил, что в его компании существует одиннадцать постоянных тостов, которые обязательно звучат за столом, когда собираются близкие друзья:

– О-ля-ля! – воскликнул Гюссар. – Я – друг России... Вы, Алекс, должны мне обязательно сказать свои тосты. Я их запишу... – Он потянулся к записной книжке, но взять её не смог – пальцы плохо слушались. Тогда француз махнул рукой, мол, говорите, я и так запомню.

Шалобаев отрицательно покачал головой:

– Нет, господин Луи, при всём моём великом к вам уважении, тосты у нас так просто не говорят. Их произносят! А когда произносят, обязательно пьют! Иначе тост не сбудется... Такой обычай...

– О, обычай, это – святое... – согласился Гюссар. – Произносите свой первый тост...

– За встречу! – улыбнулся Шалобаев и подбодрил француза: – До дна, до дна, мсье! Иначе второго тоста не услышите...

Они выпили. И Шалобаев, одну за другой, провозгласил здравицы: за друзей; за тех, кого рядом нет; за милых дам и во славу русского оружия... Каждый из тостов сопровождался обязательным наливанием и выпиванием.

Видя, что француз уже совсем носом клюёт, Пронин, тоже изрядно поднабравшийся, но ещё твёрдо сидящий на стуле, неожиданно спросил Гюссара, энергично тряхнув его за рукав:

– Луи, ты помнишь, как говорил мне, что служил в армии? Ты правда подполковник?

– Уи... да-да, я – подполковник! – восторженно воскликнул Гюссар.

– А как ты стал целым подполковником, если всего лишь переводчик?

Гюссар погрозил ему пальцем:

– Не простой переводчик, Мишель! Я был референтом у министра обороны...

Тут встрял Шалобаев и, нарушая очерёдность своих обязательных тостов, предложил:

– А давайте выпьем... за референта!

– А давайте... – согласился Гюссар, и они вдвоём с Шалобаевым выпили.

– И долго ты был референтом министра, Луи? – продолжил допрос с пристрастием Пронин.

Гюссар откинул голову. Обычно лощёного слависта было не узнать. Лицо его покраснело, а в холёной бородке застряли хлебные крошки.

– О, очень-очень долго... я был референтом... – с какой-то невыразимой мукой в голосе произнёс он так, что Пронину стало жаль его. Но отступить было нельзя:

– И что же, Луи, честно ты служил своей Франции? – с вызовом спросил он.

– Очень честно... – обречённо кивнул Гюссар. – Как настоящий рыцарь...

– И ты заслужил что-то себе на грудь? Ответь мне, рыцарь, как офицер офицеру. Скажи мне, как Французская Республика оценивает своих героев, которые честно служат ей? – Пронин жестом удержал Шалобаева от произнесения очередного тоста.

– Франция... Ах, моя милая Франция... Она оценивает своих честных героев... Она дала мне, своему рыцарю, два ордена... – пробормотал Гюссар, снова норовя ткнуться лицом в тарелку.

– А ну-ка, Луи, не спать! – удержал его от столь неблагоприятного поступка Пронин. – Подъём, господин подполковник! Доложи-ка нам, своим добрым друзьям, какими орденами Франция наградила тебя, референта-переводчика?..

– По-оч-чёт-ного легиона... за военные заслуги... – успел выговорить заплетающимся языком Гюссар и окончательно отключился.

«Вот те на! Переводчик, референт министра обороны, целый подполковник. И вдруг два высших ордена Франции, да ещё за военные заслуги... Что ж этакое мог перевести этот рыцарь-переводчик, чтобы удостоиться таких орденов?.. – спросил сам себя Пронин и, трезвея, подвёл итог своим умозаключениям: – Вот тебе и славист! Точно – шпион!»

Они с Шалобаевым бережно уложили француза на диван, накрыли его одеялом и ушли, прикрыв за собой дверь и наказав дежурной по этажу с утра прибраться в номере иностранного гостя.

На следующий день Пронин проводил Гюссара, Умнову, других гостей – руководителей семинаров в аэропорт Кольцово, откуда они разлетелись в разные стороны.

Пронин ещё долго не знал, что ему делать с информацией, полученной от известного слависта. Идти в компетентные органы? Засмеют: пьяный разговор к делу не пришьёшь. Скажут: рехнулся

отставник на старости лет! Насмотрелся триллеров типа «Шпион, выйди вон!» или начитался французских детективов Гастона Леру...

Взвесив всё, Пронин никуда не пошёл. Свои сомнения и выводы он носил в себе до тех пор, пока однажды судьба не свела его с однокурсником Васей Орловым. Орлов, в отличие от самого Пронина, всё ещё продолжал службу. И служил не где-то, а на Лубянке, целым полковником и начальником отдела.

Орлову за «рюмкой чаю» и поведал Пронин информацию о французском знакомом.

Орлов проявил неожиданную осведомлённость о Луи Гюссаре:

– Ты прав, Миша, – весело сказал он. – Слависты бывшими не бывают. Мы этого твоего Гюссара ещё в восьмидесятом из СССР выдворили за антисоветскую пропаганду. А в те годы такая формулировка обычно служила прикрытием истинной причины для выдворения иностранного подданного.

Пронин отметил, что Орлов говорит о КГБ – «мы», словно сам лично Гюссара выдворял, и осторожно спросил:

– Так, выходит, я прав: этот Луи шпион?

Орлов иронично улыбнулся:

– Ну, этого, Миша, я тебе сказать не могу. Ты же умный мужик, сам сложи два плюс два...

Пронина вдруг охватил праведный гнев:

– Так что же он к нам в Россию летает как к себе домой? Почему вы его прямо у трапа самолёта не арестуете и не выдворите из страны с позором?

Орлов ответил вполне серьёзно:

– Не можем, Миша.

– Почему не можете?! Вы же можете всё...

– Другие времена, мой друг, другие нравы! Недавно вышел указ о награждении этого твоего француза орденом Дружбы, и более того, первое лицо лично вручило орден мсье Гюссару в Кремле, поблагодарив за многолетнее укрепление взаимопонимания между нашими народами... Скажи мне, кто на этом фоне дерзнёт теперь сунуться к нему с какими-бы то ни было обвинениями?..

Пронин скривился как от зубной боли:

– Понятно теперь, – пробормотал он, хотя на самом деле ему ничего понятно не было. – Вот этот Гюссар и твердил всё время, что он – лучший друг России... Что же это за друзья такие у нас, Вася, которых сначала из нашей страны выдворяют, потом они за «дружбу» с нами у себя на родине высшие ордена с мечами получают, а теперь мы ему ещё и благодарны быть должны? И само первое лицо, как ты выразился, ему лично российскую награду вручает? Неужели первое лицо не проинформировано, кто такой этот новый кавалер ордена Дружбы? И куда вы, чекисты, в таком случае смотрите?

Орлов ничего Пронину не ответил, хотя и знал куда больше, чем мог сказать.

2021

Ночные парламентёры

Подполковник, командир группы ГРУ – главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, откликавшийся на имя-отчество Василий Петрович, заглянул в штабную мазанку горно-пехотного батальона после ужина.

Обменявшись коротким и крепким рукопожатием с комбатом майором Игнатенко, он сказал:

– Сергей Алексеевич, пошептаться бы надо. Тэт-а-тэт...

– Сейчас организуем, Василий Петрович, – отозвался Игнатенко и приказал дежурному связисту: – Сходи, покури!

В просьбе «грушника» ничего необычного не было: служба секретная, действующая по ленинскому принципу: «Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация, товарищи!»

Подполковник и пятеро его подчинённых – офицер, прапорщик и трое срочников: переводчик – таджик, водитель БТР – молдаванин и связист – сибиряк – в гарнизоне у Игнатенко даже размещены были в отдельно стоящей мазанке. И питались они самостоятельно, и контактов с личным составом батальона всячески избегали, общаясь только с Игнатенко и начальником штаба батальона капитаном

Тетеркиным. Ходили обычно Василий Петрович и его подчинённые в афганках без знаков различия, все отпустили себе бороды и загорели до черноты. Повяжи таким чалму или напяль на голову шапку-моджахедку, и от «духов» просто не отличишь. Они и вели себя как «духи». Среди ночи срывались с места и, оседлав свой БТР, уезжали неведомо куда или уходили в ночь поодиночке и возвращались, пока весь гарнизон ещё спал, за исключением дежурных служб, конечно. Так же, в темноте, которая здесь, в горах, наваливается внезапно, как диверсант на зазевавшегося часового, к ним почти каждую ночь на КПП приходили какие-то таинственные визитёры, завернутые в длиннополые одежды с головы до ног. Их обычно встречали сам Василий Петрович или майор, его заместитель, и уводили в свою мазанку, о чём-то беседовали и спустя несколько часов провожали за ворота гарнизона, где эти визитёры мгновенно растворялись в чернильной темноте.

Однажды стоявший на часах солдат из восьмой роты доложил Игнатенко, что у такого визитёра, когда он проходил мимо него, выпала на землю пачка афгани, которую тот тут же поднял и ловко спрятал под одеждой. А шедший за ним следом Василий Петрович приложил палец к губам, а затем погрозил часовому, дескать, об увиденном молчи.

«Помощнички-то у Василия Петровича не бескорыстные... По идейным соображениям никто помогать шурави не хочет! Разве что те, кто сам от душманов пострадал...» – догадался Игнатенко.

Результатами разведдеятельности группы Василия Петровича, у которого была любимая присказка: «война план покажет», он, к слову, довольно успешно пользовался в своей боевой работе – практически все разведанные по близлежащим кишлакам реализовывались именно через его батальон. Да и как иначе? Во всей провинции Саманган батальон Игнатенко – единственная боевая единица советских войск. В своей зоне ответственности – от Ташкургана до перевала Мирза-Атбели – батальон охранял трассу Хайратон – Кабул, обеспечивал работоспособность проходящих здесь двух ниток трубопровода, по которым под высоким давлением подавались бензин, авиакеросин и дизтопливо, и в целом, Игнатенко со своими подчинёнными поддерживали зыбкий мир и относительную безопасность на этом участке испокон века немирной и небезопасной земли. Это осознавали и местные власти, назначенные Наджибуллой, и противостоящие им банды моджахедов, поддерживаемые недругами СССР, понимали это и сам Игнатенко, и, конечно, Василий Петрович.

Надо заметить, что зона ответственности выпала Игнатенко непростая. Территория провинциального центра Айбак – столицы провинции Саманган – занимала достаточно большую площадь в долине одноимённой реки. К югу от Айбака начиналось тридцатикилометровое ущелье Дараи-Зиндан. По его дну текла река Саманган, а с обеих сторон ущелья высились отвесные четырёхсотметровые скалы. Вдоль упомянутой реки, там, где ширина ущелья позволяла, располагались зелёнка и кишлаки. Закон Афгана неизменен: где есть вода, там есть растительность и жизнь.

Летом 1983 года военная обстановка в провинции была крайне напряжённой. Из всех населённых пунктов один только Айбак контролировался правительственными войсками и царандоем, но и он только в центральной своей части. Остальная территория находилась под контролем разных бандформирований, которые выходили поживиться и на трассу Хайратон – Кабул и к трубопроводу. После их обстрелов наливников и трубопровода то там то тут вспыхивало красное пламя, видимое на десяток километров. Но ещё больше хлопот приносили диверсии с целью наживы – душманы в светлое время суток подкрадывались к трубе, ручными свёрлами делали в ней отверстия, затыкали их деревянными пробками – чопиками, а по ночам извлекали затычки и наливали горючее в канистры. Не раз и не два бойцы Игнатенко, поднятые по тревоге или заблаговременно предупреждённые грушниками, захватывали караваны по тридцать и более верблюдов, нагруженных канистрами, заполненными горючим.

Бандформирования с завидной регулярностью нападали на колонны и на сам гарнизон. Особенно дерзким был главарь Вакиль Дивана, чья банда хозяйничала в зелёнке в непосредственной близости от места дислокации батальона. Душманы донимали Игнатенко, обстреливая территорию гарнизона не только из стрелкового оружия, но и из миномётов. Кличка у этого борца за веру говорила сама за себя: Дивана на дари обозначало «юродивый», а проще говоря – сумасшедший. Этого безбашенного главаря даже сами афганцы не любили, побаивались и называли меж собой беспредельщиком.

Но помимо шайки Дивана в ущелье и других банд было видимо-невидимо: у каждого кишлака – своя банда. Они чуть не ежедневно совершали диверсии на трубопроводе и нападения на колонны. Действовали неожиданно и умело. Совершив налёт, тут же возвращались в свои кишлаки, где сразу же превращались в мирных дехкан, улыбающихся «шурави» и с благодарностью принимающих

от них гуманитарную помощь в виде мешков с мукой и сахаром. Достать этих перевёртышей, выковырять их из родных кишлаков никак не получалось. Хотя, по наводке того же Василия Петровича, проводились несколько раз войсковые операции, но толку от них не вышло никакого. Пока роты Игнатенко шли с двух сторон поверх каньона, а батальоны афганской армии прочёсывали кишлаки на дне ущелья, моджахеды через кяризы и тайные тропы каждый раз заблаговременно уходили и прятались по пещерам. Оттуда их и бомбоштурмовыми ударами выкурить не представлялось возможным, и никакими ухищрениями ГРУшников выманить не удавалось. И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была незаменимой, а информация, добываемая ими, просто бесценной.

И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была просто незаменимой. Игнатенко, понимая это, поддерживал дружеские отношения с их командиром и сам, похоже, вызывал в нём такие же добрые чувства.

Василий Петрович по возрасту и воинскому званию был старше Игнатенко, но подчёркнуто относился как к равному, а в служебных вопросах – как к начальнику гарнизона.

Вот и на этот раз, когда они остались с Игнатенко наедине, Василий Петрович заговорил по-дружески и без обиняков:

– Сергей Алексеевич, вот такое дело: надо нам с тобой съездить на переговоры. На меня через моего человека вышли главари трёх банд, которых этот бешеный Вакиль Дивана тоже достал. Они хотят, чтобы мы совместно его потрясли. Обещают его загнать в ущелье, а тебе надо будет по нему сверху ударить.

– Что же получается, Василий Петрович: мы на стороне духов должны будем воевать? Исполнять желание одних бандитов по устранению другого?

– А нам какая разница? Всё равно, на стороне духов или самостоятельно, главное, этому Вакилю хвост прищемить!

– Ну, прищемим ему хвост, а что дальше?

Василий Петрович усмехнулся:

– Война план покажет! Если всё у нас с тобой получится, главари обещали отправить делегацию в Ташкурган и договориться с тамошними бабаями, чтобы они не обстреливали больше наши колонны и не трогали трубопровод в твоей зоне ответственности.

Игнатенко поскрёб затылок. То, что говорил грушник, было актуальным и перекликалось с задачей, которую вчера поставил перед ним комполка – больше работать с местным населением и постепенно начать договариваться с руководителями бандформирований во избежание ненужных жертв с обеих сторон.

– Когда поедет, Василий Петрович, сегодня? – спросил он.

Грушник замялся:

– Понимаешь, Сергей Алексеевич, тут есть одна особенность... Нам надо будет выехать с тобой ночью. На твоём бронетранспортёре. Место встречи я укажу дополнительно. Вернее, я пока его сам не знаю. Нам надо будет двигаться по трассе. С правой стороны трассёром укажут место, где нас будут ждать. Там и остановимся. На переговорах будем я, мой переводчик и ты. Оружия с собой брать нельзя. И радиостанцию тоже придётся оставить в гарнизоне... Таково условие с их стороны.

Представив такую ночную поездку по району, напичканному бандами, Игнатенко внутренне поёжился, хотя и был человеком далеко не робкого десятка:

– Ну, ты даёшь, Василий Петрович... Ночью, в зелёнку и без оружия... – поскрёб он затылок. – Да там за каждым кустом по душману, и все оружием с головы до ног обвешаны! А мы с тобой даже перочинного ножичка взять не можем...

– На той стороне мне обещали, что всё будет нормально.

– Неужели ты веришь «духовским» обещаниям? Для них обмануть неверного сродни подвигу...

– Так оно, конечно, но интуиция мне подсказывает, что на этот раз можно поверить...

При слове «интуиция» Игнатенко поморщился как при зубной боли, хотя и сам на эту капризную госпожу зачастую полагался. Но всё-таки возможность повстречаться с врагом лицом к лицу и без оружия оптимизма у него не вызвала.

– Кстати, объясни, я-то здесь при чём? Это ведь ваши штучки: внедрение, вербовка, тайные переговоры... – как будто ища пути для отступления, поинтересовался он.

– Опять ты прав, Сергей Алексеевич: специальные операции – мой хлеб, – понимающе усмехнулся Василий Петрович и развёл руками: – Но бабаи сказали, что командор шурави-батальона должен быть на переговорах обязательно. Или ты забыл, что сам мне всегда повторял много раз: у тебя – сила, ты – гарант!

Игнатенко нечем было возразить подполковнику. Действительно, у комбата под началом проверенный в боях личный состав и серьёзная огневая поддержка – приданная батарея 122-миллиметровых гаубиц Д-30 и танковый взвод.

А Василий Петрович продолжал выкладывать аргументы моджахедов:

– Они говорят, дескать, мы командора шурави-батальона в лицо знаем, мы его слову верим. – Он вскинул такие же, как у самого Игнатенко, васильковые глаза и сказал главное: – Мы, конечно, рискуем, Сергей Алексеевич, но, пойми, мил человек, если дело выгорит, столько наших ребят спасём...

– Да к чему столько слов... – устыдился вдруг собственных колебаний Игнатенко. – Раз надо, значит, поедем!

– Ну вот и договорились. Только одна просьба у меня к тебе, Сергей Алексеевич: никому о нашем разговоре ни слова. Даже своему начштаба... Если где-то протечёт, нас просто зароят, а перед этим шкуру с живых снимут.

– Ты всегда находишь, чем успокоить... – настала очередь усмехнуться Игнатенко, но усмешка у него вышла кривою.

Спустя два дня Василий Петрович заглянул во время обеда в офицерскую столовую батальона и шепнул Игнатенко на ухо:

– Сегодня в двадцать два часа выдвигаемся.

– Я буду готов! – кивнул Игнатенко.

В назначенное время они выехали из гарнизона на БТРе комбата и двинулись по трассе в сторону перевала Саланг. Дорога была пустынной. Они проехали километров семнадцать, когда справа хлопнул выстрел и ночную тьму прорезал красный трассёр.

– Тормози! – свесившись вниз, приказал Игнатенко водителю.

БТР остановился. Василий Петрович, переводчик и Игнатенко прыгнули на землю. Из люка высунул голову сержант:

– Товарищ майор, а нам что делать, в случае чего?

– Услышите стрельбу, Мирзоев, лупани по зелёнке из всех стволов и немедленно возвращайтесь в гарнизон... – негромко отдал указание Игнатенко.

В это время из темноты вышел весь замотанный в ткани моджахед с автоматом наперевес. Он махнул рукой, призывая следовать за ним, и первым углубился в зелёнку. Парламентёры двинулись следом. Впереди – переводчик, вторым шёл Василий Петрович, замыкал колонну Игнатенко. Сквозь мрачные заросли, рискуя напороться на ветки, шли по каким-то едва заметным и перевитым корнями тропам около полукилометра. Пахло ночной сыростью и свежим кизяком, как будто двигались они по овечьей тропе. Заросли расступились. То слева то справа стали возникать какие-то едва различимые дувалы, затем снова потянулась зелёнка, и опять дувалы. Спина у Игнатенко, хотя ночь была довольно прохладной, взмокла от напряжения, которое всё нарастало. В душе от неизвестности кошки скребли.

Наконец подошли к высокому дувалу. Сопровождающий отыскал в нём и первым протиснулся в какой-то узкий проход. Нырнув в тесную щель следом за ним, парламентёры оказались во дворе перед глинобитной мазанкой. У входа в неё, прикрытого домотканым пологом, топтался вооружённый бородач, показавшийся Игнатенко точной копией сопровождающего. Он узнал того, кто их привёл, молча откинул полог, предлагая парламентёрам войти. Сопровождающий и охранник остались снаружи.

В помещении, похожем на предбанник, ослепительно ярко после темноты горели свечи. На полу сидели четыре бородачатых бабая, в чалмах, с автоматами на коленях.

Ничего не говоря, один из них указал рукой на следующий проём, мол, проходите дальше.

Во второй комнате, с такими же грязными глиняными стенами и низким потолком, так же ярко полыхали свечи. На полу был расстелен толстый ковёр с богатым орнаментом, на котором, поджав ноги, сидели трое бородачатых «духов» в традиционных длинных афганских рубахах до колен, с автоматами Калашникова в руках.

Один из моджахедов, очевидно старший по возрасту, предложил вошедшим сесть, и начался долгий, традиционный обмен приветствиями, которые старательно переводил таджик-переводчик. Отвечая на вопросы о его здоровье, о здоровье его отца и матери, о том, успешны ли его дела и дела его батальона, Игнатенко всё время хотелось ущипнуть себя, настолько сюрреалистической казалась ему ситуация, и только холодные струйки пота, стекающего по спине, убеждали, что всё происходящее – реальность.

Наконец дошло и до сути переговоров. Старший из бабаев неожиданно коротко и ясно, почти слово в слово так, как говорил два дня назад Василий Петрович, изложил их предложения. Подполковник в ответном слове чётко изложил видение проблемы и путей её решения со стороны «шурави».

Душман, выслушав его, повернулся к Игнатенко и спросил, гарантирует ли командор шурави-батальона выполнение условий заключаемого сейчас соглашения.

Игнатенко молча кивнул.

Моджахеды заулыбались и вознесли хвалу Аллаху.

– Начнём через три дня. К вам придёт один из нас, чтобы указать цели для удара и место, откуда надо стрелять, – старший душман скосил взгляд на сидящего от него справа бородача.

– Хоп, – согласился Василий Петрович. Это тюркское «хорошо» было понятно «духам» и без перевода.

И снова началась длинная церемония – теперь уже прощания. После всех поклонов и пожеланий доброй дороги парламентарии вышли из мазанки, и тот же бабай, что привёл их сюда, проводил их назад к дороге. При этом обратный путь показался Игнатенко куда короче, чем прямой. Они благополучно вернулись в гарнизон.

В назначенное время, как и было обещано, в гарнизон приехал один из трёх участвовавших в переговорах главарей. На карте он довольно толково, как будто был выпускником советского военного училища, показал, откуда и куда погонят моджахедов Вакиля Дивана, где командору шурави-батальона лучше разместить орудия и танки, и пообещал, что завтра ровно в семь утра будет ждать на этом месте командира шурави-батальона и его людей.

Всё ещё ожидая от моджахедов подвоха, Игнатенко заблаговременно отправил к назначенному месту своих разведчиков и лишь после их доклада, что засады нет, выдвинулся туда сам.

Остальное происходило в точном соответствии с намеченным планом. «Духи» дружественных бандформирований погнались «духов» беспредельщика Дивана по ущелью, выдавливая их на окраину кишлака, куда и должен был нанести свой артиллерийский удар Игнатенко. Удар был точным, и следивший в бинокль за тем, как убивают в каньоне его единоверцев, бородачатый главарь, только что стоявший с каменным лицом, вдруг радостно запрыгал как ребёнок, впервые увидевший праздничный салют. Потом, к вящему удивлению Игнатенко, он даже совершил какой-то ритуальный танец, прихлопывая в ладоши и напевая что-то себе под нос.

– О чём он поёт? – спросил Игнатенко у переводчика.

– Радует, что Дивана убит... Благодарит Аллаха, что дал ему возможность увидеть смерть его кровного врага... – пояснил таджик.

Главарь, закончив танец, долго жал руки Игнатенко и Василию Петровичу, клялся святым пророком Мохаммедом, что все обещания, данные «шурави», будут выполнены.

В обещания врага, хоть и оказавшегося временным союзником, конечно, верилось с трудом. Но «дух» не обманул. Через неделю он и двое других главарей на узике местной администрации отправились в Ташкуртан, и Игнатенко снова, правда, теперь уже днём и при оружии, пришлось сопровождать их, как признанному гаранту мирного процесса. Он, в очередной раз рискуя, оказался в самом логове моджахедов этого района. Но не зря говорят, что риск – благородное дело. Дневные переговоры тоже прошли успешно: было заключено мирное соглашение с ташкуртанскими моджахедами.

Это соглашение соблюдалось неукоснительно. За время, пока Игнатенко командовал батальоном, колонны в его зоне ответственности не подвергались «духовским» обстрелам, а число диверсий на трубопроводе снизилось в несколько раз.

Василий Петрович вскоре после этих событий уехал в Союз по замене, и Игнатенко за время службы в армии с ним больше не встречался.

Сам комбат досрочно получил звание подполковника и после возвращения из Афганистана поступил в военную академию имени Фрунзе, окончил её с отличием и долго командовал мотострелковым

полком в Уральском военном округе. В середине девяностых годов, не в силах спокойно взирать на то, что творится с его родной армией, Игнатенко, будучи уже полковником, написал рапорт на увольнение в запас и осел в Екатеринбург.

Здесь его неожиданно разыскал соратник по Афганистану Василий Петрович. Бывший грушник к тому времени стал генеральным директором одной из региональных нефтяных компаний и предложил Игнатенко пойти к нему начальником службы безопасности. Время тогда было лихое, всюду шёл передел некогда народной социалистической собственности, ставшей вдруг капиталистической и частной, и даже в центре областного города то и дело звучали выстрелы и лилась кровь.

Игнатенко, не раздумывая, согласился.

Новая работа хотя и потребовала новых знаний и навыков, но в целом понравилась ему. Своей непредсказуемостью она напоминала Игнатенко период боевой службы «за речкой», но в то же время требовала и определённых дипломатических навыков, мудрости и выдержки. И того, и другого, и третьего у полковника запаса было предостаточно.

Однажды в служебной командировке в Тобольск, где должны были состояться очередные переговоры с деловыми партнёрами Василия Петровича, у Игнатенко внезапно случился обширный инфаркт. По счастливому стечению обстоятельств, «скорая» приехала быстро, городская клиническая больница оказалась рядом, и врачи оказались специалистами высокого класса. Им удалось вытащить пациента буквально с того света.

Когда дело пошло на поправку, молодой хирург, который делал Игнатенко операцию, сказал:

– Повезло вам, Сергей Алексеевич. Ещё бы пару минут, и поймать тромб, который оторвался у вас в аорте, мы бы не успели... А сердце у вас и так подраненное, всё в рубцах. Как минимум пару микроинфарктов вы на ногах перенесли... На этот раз мы успели. Но впредь настоятельно рекомендую вам своё сердце поберечь! Регулярно принимайте лекарственные препараты, соблюдать режим питания, побольше прогулок на свежем воздухе. И главное – не допускайте физических перегрузок и стрессовых ситуаций...

– Я буду стараться, доктор, – пообещал Игнатенко, не преминув про себя добавить памятное: – война план покажет...

2022

Золотой медалист

Капитан Кондратюк сидел за столом дежурного по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа и машинально перелистывал журнал учёта происшествий. Переводя взгляд с одного телефона на другой, он размышлял о том, что его нынешнее дежурство – это чистой воды профанация, а точнее, перестраховка, ибо на два этажа ниже, прямо под ним, располагался оперативный дежурный округа с целой свитой помощников. Они неусыпно следили за всем, что делается в войсках округа на обширной территории по обе стороны Уральского хребта. Дежурство Кондратюка – это своего рода наблюдение за наблюдающими, партийно-политический контроль за работой штабных служб. Будучи инструктором отдела пропаганды и агитации, Кондратюк, конечно, осознавал, что политорганы в Советской армии и Военно-морском флоте, как полномочные представители КПСС, должны вести свой собственный учёт всему, чем живёт и дышит военный округ. Но, осознавая всё это, всё же недоумевал и надеялся, что предстоящая ночь пройдёт без ЧП.

А ещё Кондратюк мечтал, что чуть позже, когда темнота войдёт в свои законные права и на главной улице Свердловска за штабным окном вспыхнут жёлтые, как молодые одуванчики, фонари, он достанет припасённую для дежурства книгу Паустовского и с головой уйдёт в захватывающую прозу, на страницах которой пленяют и «водянистая полоска рассвета», и «старательные глаза застенчивого молодого солдата», и сверкающие алмазными гранями мудрые мысли...

Читать Кондратюк любил с детства, но раскрыть книгу на этот раз ему не удалось – требовательно и властно зазвонил телефон засекреченной связи – «ЗАС». Матовый, цвета слоновой кости, с выпуклым гербом СССР на телефонном диске, аппарат стоял чуть в стороне от других, словно держа дистанцию, – только генералы и полковники из самых высоких инстанций могли позвонить по этому

телефону. И отвечать на его звонки дежурный по политуправлению должен был соответственно – важно и многозначительно: «У аппарата члена военного Совета дежурный по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа капитан такой-то...»

Сняв трубку и услышав булькающее: «Ал-ло-у», Кондратюк внутренне напряжился, расправил плечи и представился положенным образом.

Телефонная трубка пробулькала в ответ:

– ...У аппарата начальника-у особого отдела КГБ по-у Белорусскому военному округу капитан Лебеде-ув...

Засекреченная связь была специфической. Она так изменяла голос и корёжила некоторые слова, что Кондратюк вынужден был переспросить:

– Вас не понял. Прошу повторить!

– Андрюха-у, да что-у ты не понял?.. Это я-у – Серёга Лебеде-ув из семьдесят четвёртого классного-у отделения...

Связь стала устойчивей, и Кондратюк узнал знакомые интонации в голосе далёкого абонента.

– Птица, ты, что ли? Откуда? – ошарашенно и всё ещё не веря своим ушам, снова переспросил он.

– Я-у, я-у... – живо отозвался Лебедев. – Узнал по-у своей линии, что-у ты сегодня дежуришь... Дай, думаю, позвоню однокашнику-у...

Сергей Лебедев, по прозвищу Птица, среди курсантов Курганского высшего военно-политического авиационного училища считался и впрямь «птицей» особого полёта. Уже на первом году обучения он чем-то приглянулся училищному начальству и был избран секретарём комитета комсомола курса. Щуплый, невысокого роста, сутуловатый, с пепельной чёлкой, низко спадающей на серые, почти бесцветные глаза, и незапоминающимся лицом с каким-то недовольным выражением, он обладал всё же неким магнетизмом. Вокруг него всегда теснились однокашники, к нему прислушивались сержанты, командиры взводов и даже строгий командир роты. На выборных должностях Лебедев оставался все годы обучения: до третьего курса руководил уже упомянутым комитетом комсомола, а затем стал членом парткома батальона. Но, несмотря на все эти посты, он умудрялся сохранять хорошие отношения с однокурсниками и не поссориться с командирами, а также удерживать звание Ленинского стипендиата, дававшее ему повышенное денежное довольствие в сто рублей, тогда как все остальные курсанты получали на разных курсах от восьми рублей с копейками до пятнадцати.

Уже на втором курсе всем было ясно, что ведут Лебедева на золотую медаль. В учёбе он не особенно блистал, но преподаватели ставили ему на экзаменах пятёрки, понимая и общественные нагрузки экзаменуемого, и руководящую линию – стипендиат обязан быть отличником!

Кондратюк отличником никогда не был, но и отстающим тоже. На втором курсе его неожиданно выбрали в бюро ВЛКСМ роты, и он стал больше общаться с Лебедевым, участвовать в разных молодёжных делах и инициативах.

Однажды Лебедев, Кондратюк и ещё два курсанта-активиста – Процик и Бумдаладзе – оказались в составе группы, выезжающей на три дня в подшефный пионерский лагерь неподалёку от Кетово – районного центра, славящегося своим животноводческим комплексом. Перед самым въездом в райцентр на каменном постаменте возвышался огромный бронзовый бык. Каждый год накануне выпуска курсанты-четверокурсники надраивали быку до блеска рога и причиндалы, несмотря на милицейский пост, выставляемый поблизости. Зачем это делалось, с риском угодить в милицию и испортить себе выпускные торжества, никто объяснить не мог, но традиция эта неукоснительно соблюдалась.

В пионерском лагере курсантов уже ждали, чтобы дать старт военно-спортивной игре «Зарница». Курсанты – каждый со своим отрядом – весь день до одури бегали по сосновому бору, искали спрятанные «пакеты с секретной информацией», устраивали «засады», брали «пленных», переносили «раненых».

Вечером, когда для уставшей ребятни трубач протрубил «отбой» и курсанты надеялись завалиться в кровати, Лебедев неожиданно бодро сказал:

– Мы идём на праздничный ужин! Девчонки из столовки приглашают...

– Товарищеская встреча с местными комсомолками? – мерзко подхихикнул Процик.

Но комсомольский вожак своего земляка-курянина одёрнул:

– Ты, Толя, давай без намёков! Мы – будущие политработники. Идём укреплять тылы!

Комсомолки-поварихи, студентки кулинарного техникума на производственной практике, в комнате для поваров накрыли стол. В большой сковородке дымилась жареная картошка, аппетитно поплёскивал зелёный лучок в салате из помидоров, политом пахучим подсолнечным маслом, здесь же – открытая банка килек в томате. Завершали притягивающий взоры аппетитный натюрморт две бутылки дешёвого плодово-ягодного вина, которым в Зимбабве негров травят, в США заборы красят, а в СССР граждан поят – и никто пока не отравился.

Четыре девахи – румяные и простодушные – радушно усадили курсантов за стол и стали потчевать. Курсанты ели с аппетитом, успевая при этом каким-то непостижимым образом демонстрировать главное профессиональное качество будущих политработников – красноречие. Говорили как будто ни о чём, но всем было весело. После ужина, спонтанно разделившись на пары, разбрелись в разные стороны по спящим лесным дорожкам.

Доставшаяся Кондратюку спутница – толстая, в два обхвата девушка по имени Света – никаких романтических чувств не вызывала. Ему куда больше понравилась хрупкая пионервожатая, с которой он носился на «Зарнице», но она на его дневные ухаживания ответных чувств не проявила.

Погуляв со Светой полчаса по окрестностям, отмахиваясь от голодных комаров, Кондратюк вернулся к себе в корпус. В комнате ещё никого не было.

Кондратюк улёгся в кровать и уже было заснул, когда на веранду с шумом ввалились Процик и Бумдаладзе, обсуждая свои любовные подвиги. Голоса у них звенели, как набат, но Кондратюк так вымотался за день, что заснул, несмотря на бравурные возгласы товарищей.

Проснулся он от храпа соседей ещё до пробудки и увидел, что кровать Лебедева пуста. Ленинский стипендиат появился в комнате за несколько минут до сигнала пионерского горна.

Он уселся на кровать и вытянул ноги. Серое лицо его, как всегда, ничего не выражало.

– Как ты, Птица, в порядке? – вполголоса спросил Кондратюк.

Лебедев ушёл вчера с Валентиной. Рослая, фигуристая девица, в застолье выступавшая заводилой, была на голову выше Сергея.

– Затеяливая комсомолка попалась, – многозначительно сообщил Лебедев. – Увела меня подальше в лес и полезла на развесистую берёзу.

– А ты?

Лебедев устало откинулся на подушку и прикрыл глаза:

– И я полез!

– Ну, а дальше-то что? – окончательно проснулся Кондратюк.

Лебедев сказал с деланным равнодушием:

– Ну, примостился рядом с ней. Она меня как к стволу притиснула... Так до рассвета и не выпускала из своих объятий...

– Что же вы всю ночь на берёзе просидели? – развеселился Кондратюк. – Да ты герой, Птица! Настоящий орёл!

Лебедев потянулся, закинув руки за голову:

– Ну, орёл не орёл, а сытным хавчиком на всё время пребывания в лагере нас обеспечил! Валюшка пообещала! Она тоже, оказывается, комсомольский секретарь. Сказала – значит сделает!

И действительно, кормили их в пионерлагере два оставшихся дня как на убой. Эти сытные летние дни они ещё не раз вспоминали в училище, где разносолами их не баловали.

На стажировке после третьего курса Кондратюк с Лебедевым попали командирами взводов в отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения. Батальон обслуживал полк фронтовой бомбардировочной авиации в городке Черляны подо Львовом. Комбат тут же загрузил прибывших курсантов таким объёмом обязанностей и поручений, словно хотел за месяц сделать всё, что не было сделано за минувшие годы: и ленинские комнаты отремонтировать, и дисциплину подтянуть, и разные хозяйственные работы выполнить. В офицерское общежитие они возвращались затемно, и то, если не оказывались помощниками дежурного по батальону или ответственными в роте. Если же добавить к этому ночные полёты, разгрузку угля на ближней железнодорожной станции, выкашивание травы вокруг аэродрома и копание траншей при прорыве канализации, то было вообще непонятно, как они ещё держатся на ногах.

Через две недели комбат, словно закончив проверку на прочность, смиловился и предоставил им первый выходной. Надев парадную форму, они отправились на танцы в гарнизонный Дом офицеров. Представительниц женского пола там явно не доставало, и Кондратюк весь вечер простоял в сторонке, наблюдая за счастливыми парами. Лебедев танцевал с высоченной – на полторы головы выше него – и весьма пышногрудой девицей Мариной. Кондратюк уже заметил, что Лебедеву нравятся именно такие девушки...

На следующий день курсанты снова погрузились в служебные заботы. Только теперь, возвращаясь в гостиницу, Лебедев переодевался в гражданку и спешил на свидание со своей новой пассией, которая оказалась дочерью заместителя командира авиаполка. Свидания эти продолжались почти до самого конца их пребывания в Черлянах, пока Марина не захотела познакомить Лебедева со своей мамашей.

Лебедев вернулся с означенного randevу неожиданно быстро.

– Андрюха, ты не представляешь себе, какая у Марины маман круглая дура... – с порога посетовал он.

– Ну что ж ты так о будущей теще? – заинтересовался Кондратюк.

– Да какая теща!.. Оглядела меня сверху вниз и говорит: «Мариночка, что это ты себе такое низенькое строенье подыскала... Этажности явно не хватает!»

Кондратюк едва не поперхнулся:

– А ты что, Серёга?.. Неужели стерпел?

– Нет, конечно. Я так же демонстративно окинул её взглядом с головы до ног и отчеканил: «К вашему сведению, мадам, у высотных зданий обычно плохо меблируются чердаки». Тут у неё челюсть и отпала, а я вежливо откланялся... Ну, не получилось с маман подружиться, значит и тещей ей не быть, если она самого главного не понимает...

– Может, оно и к лучшему, – согласился Кондратюк.

Лебедев уселся на стул в позе роденовского мыслителя и сказал задумчиво:

– Да, женщины безжалостнее, чем естественный отбор... Нельзя позволить им почувствовать свою власть над собой. Ты читал Кафку?

– Не доводилось.

– Очень мне нравится, что он о женщинах пишет. Называет их капканами, которые повсюду дожидаются мужчин, чтобы затащить их обратно в Конечное... Женщины, они и есть настоящие капканы, – Лебедев вскочил со стула и энергично потёр ладони. – Так, Андрюха! Коль скоро мы этих капканов на данный отрезок времени избежали, пойдём-ка осмотримся на местности. А то ведь месяц, почитай, на Львовщине, а ничего кроме гарнизона и железнодорожной станции не видели...

Они вышли за ворота и пошли в сторону ближайшего села, до которого на глаз было километра три-четыре. В окрестные сёла им рекомендовали не соваться: русских, и солдат в особенности, там не любили, и бывали случаи нападений на военнослужащих и избияния их... Но молодость жаждет приключений и не ведаёт страха...

Стояла жара. В июльском небе – ни облачка. Послеполуденное солнце нещадно слепило глаза и, казалось, дотла выжигало округу. Трава на обочинах пожухла, на деревьях вдоль шляха, по которому они шагали, вздымая тяжёлую золотистую пыль, мелькали первые пожелтевшие листья. На лугу звонко трещали кузнечики. Слепни вились над ними назойливой стайкой, периодически пикируя вниз и заставляя отмахиваться от них пилоткой, сдёрнутой с головы. Пока дошли до ближайшей околицы – взмокли, хзбэшки насквозь пропитались потом. Нестерпимо мучила жажда.

Хаты в селе – все как на подбор – добротные, каменные, крытые шифером и листовым железом – не чета белёным мазанкам, что мелькали в окне поезда, когда проезжали по Восточной Украине. Все дома прятались за высокими, крепко сколоченными заборами, так что вблизи только крыши виднелись.

И во всём селе – ни одной колонки с водой.

Они постучали в ворота первого дома – отозвалась хозяйка:

– Кто?

– Солдаты! Водички бы испить, хозяйюшка...

– Немае воды.

Отошли, переглянувшись: как это нет, если колодезный журавель из-за забора торчит?

Стукнули в другой дом. Та же история: нет воды – и всё тут. Во всём, словно вымершем, селе им так никто и не открыл калитку и не подал кружку воды.

Как говорится, не солоно хлебавши поплелись в обратный путь, шевеля пересохшими губами:

– Что ж это такое, Серёга? Мы в Советском Союзе или в каком-то вражьем стане?

– Сам ничего понять не могу! Что за люди? У нас в деревне, когда солдаты идут, ребятня из калиток выбегает, руками машут. Хозяйки пироги и крынки с молоком выносят, яблоками угощают... А чтобы так вот – воды не дать напиться... Бандеровцы недобитые! Это Хрущёв всё с западенцами заигрывал, раньше времени их амнистировал... Вот и дозаигрывался!

– Ты, смотри, в училище такое не ляпни, а то вылетишь за клевету на советскую действительность и золотую медаль свою не получишь!

– Да какая же это клевета? Чистая правда! А за чистую правду из училища не исключают.

– Исключить могут за всё... – глубокомысленно изрёк Кондратюк. И его пророчество чуть было не сбылось.

На четвёртом курсе, когда уже в ателье Кургана для будущих лейтенантов были пошиты на заказ первые мундиры и уже примерки состоялись, умудрился Лебедев попасть в переделку. На танцах в ЦПКиО он вступился за девушку, к которой приставал пьяный мужчина. Завязалась драка, вызвали милицию, и Лебедев вместе со своим противником очутился в отделении. Пьяный оказался офицером внутренних войск, и их обоих передали в комендатуру. Тут же обо всём доложили начальнику училища, и тот сгоряча объявил Лебедеву трое суток ареста.

Вернувшись в казарму, Лебедев, ещё более сумрачный, чем обычно, поделился с Кондратюком своими опасениями:

– Не видать мне, Андрюха, медали... Фингал офицеру мне не простят...

Но инцидент неожиданно не получил дальнейшего развития. Ни тебе общего собрания курсантов, ни заседания парткома... Даже в карточку дисциплинарных проступков трое суток ареста не занесли.

Говорили, что за Лебедева вступились начальник политотдела и училищный особист – майор Фицев.

Этот майор был личностью загадочной и неуловимой. За четыре года учёбы Кондратюк видел его живую один или два раза – и то издалека. Кабинет у майора располагался в бараке за санчастью. Там же размещались почтовое отделение связи и тыловая служба училища. Никогда не поймёшь, куда идёт тот или иной курсант – в кабинет к Фицеву или на почту за посылочкой...

Злые языки утверждали, что комсомольский и партийный вожак Лебедев с особистом водил особую дружбу, но Кондратюк считал, что Фицев помог его другу избежать наказания за драку по справедливости: кому же ещё чекист должен был помочь, как не Ленинскому стипендиату и активисту?

В общем, Лебедев получил-таки свою золотую медаль и после выпуска из училища распределился в Белорусский военный округ, и связь с ним на несколько лет оборвалась.

С тех пор как Лебедев позвонил Кондратюку из Минска, они стали периодически обмениваться письмами. Из переписки Кондратюк узнал, что Лебедев прослужил год замполитом роты, затем окончил Высшие курсы военной контрразведки в Новосибирске и перешёл в особый отдел КГБ при Белорусском военном округе. Новое место службы бывшему Ленинскому стипендиату нравилось, его скоро обещали выдвинуть на новую должность. О том, что это за должность, Лебедев умолчал по соображениям секретности, но вскользь заметил, что участок работы доверяют ему ответственный. Также он поведал, что женат. Жена Мария – красавица и родом из его же деревни. Он заприметил её ещё школьницей, дождался, когда подрастёт, женился, и вот теперь у них растёт сын Гоша, а супруга работает концертмейстером в областной филармонии.

Лебедев ещё дважды звонил ему во время дежурств и всякий раз приглашал Кондратюка в гости:

– Будешь в Минске, обязательно заходи! Живём мы в самом центре, на улице Комсомольской... Можешь нагрнать в любое время, безо всяких церемоний. Мы с Машей будем рады... Она у меня такая хозяйюшка...

Кондратюку очень хотелось повидать Лебедева, который, если уж положить руку на сердце, можно сказать, осуществил его собственную юношескую мечту служить в КГБ. Да и на красавицу Машу посмотреть тоже хотелось: кого же выбрал в спутницы жизни золотой медалист и Ленинский стипендиат?..

Но служебная командировка в Белоруссию как-то не складывалась.

Так продолжалось несколько лет, пока военная планида не забросила Кондратюка в Минск, где проводились всеармейские сборы офицеров-пропагандистов.

Столица советской Белоруссии поразила широкими проспектами и просторными площадями, чистотой и какой-то размеренностью жизни, выгодно отличающей её от Москвы и других крупных городов, где Кондратюку довелось побывать. А ещё диковинным было то, что в магазинах свободно продавалось бутылочное пиво, когда на Урале таковое можно было получить только в подарочных наборах к празднику, а за разлившимся любители пенного напитка простаивали длиннющие очереди у пивных ларьков. В кинотеатрах всюду показывали документальный фильм Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким», куда армейских пропагандистов, к удивлению Кондратюка, привели на коллективный просмотр, а затем устроили обсуждение. Словом, заявленная ЦК КПСС перестройка, широко шагавшая по стране, здесь бежала впереди паровоза.

График сборов был плотный, но Кондратюк всё же улучил время и однажды вечером отправился в гости к Лебедеву.

Доехав подземкой до станции «Немига», Кондратюк зашёл в ближайший магазин, купил торт и бутылку коньяка, затем безо всякого труда отыскал нужную ему улицу и дом.

Он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру, предвкушая, как обрадуется Сергей его появлению, как посидят за дружеским столом, вспоминая родное училище и однокурсников...

Дверь открыл незнакомый квадратный мужчина с тяжёлым, словно высеченным из гранита, лицом. Взглядом незнакомец как будто придавил Кондратюка и расплющил.

Мужчина довольно грубо спросил:

– Вам кого?

– Лебедева Сергея Васильевича, – оторопел Кондратюк, увидев незнакомца.

– Нет тут такого, – отрезал мужчина.

– Как же нет? Это квартира двадцать девять?

Квадратный мужчина ответил ему вопросом на вопрос:

– А вы кто такой? Представьтесь! – скосил он взгляд на майорские погоны Кондратюка.

Кондратюк внезапно разозлился:

– Я друг Сергея Васильевича. А вы кто? Что за допрос мне устроили?

Мужчина сунул ему под нос невесть как оказавшиеся в его руках красные «корочки» с золотым тиснением. Кондратюку сразу бросились в глаза три заглавных буквы – «КГБ», а на развороте – звание «майор». Краска прихлынула к его щекам.

Кэгэбэшник властно потребовал:

– Предъявите ваши документы.

Кондратюк растерянно полез в карман за удостоверением личности офицера и командировочным предписанием.

Кэгэбэшник внимательно изучил оба документа:

– Вы, товарищ майор, приехали на сборы. Так почему по городу бродите, в чужие квартиры звоните? Вам что – заняться больше нечем?

Кондратюк снова разозлился:

– У нас сейчас личное время. Я старший офицер, сотрудник политического управления округа, а не какой-то военнослужащий срочной службы, чтобы мне за пределы казармы выход был запрещён без увольнительной записки... И вообще, на каком основании вы со мной разговариваете в таком тоне? Я вас спросил, товарищ майор, могу ли я видеть Сергея Васильевича Лебедева? Вы не ответили. Скажите прямо: если Лебедев здесь не живёт, то где я могу его найти?

Кэгэбэшник неожиданно смягчился:

– Ну, ладно, майор, не кипятись. Если был излишне строг, извини. Но послушай сюда... – он перешёл на «ты». – Забудь этот адрес, наш разговор и главное – больше никогда не ищи Лебедева. Поверь, так будет лучше для тебя и для него. Для всех нас... Уяснил? Тогда честь имею! – и захлопнул перед носом Кондратюка дверь.

Постояв с минуту перед закрытой дверью, ничего не понимающий Кондратюк, чувствуя себя абсолютно раздавленным, поплёлся к выходу...

О дальнейшей судьбе Лебедева Кондратюк долго ничего не знал...

Сам он успешно окончил военно-политическую академию имени В. И. Ленина, стал замполитом полка, а после – заместителем начальника политотдела военного училища в Сибирском военном округе, где и получил звание полковника.

Все прошедшие годы Кондратюк нет-нет да и вспоминал о своём однокашнике и гадал о его судьбе. Однажды он даже хотел написать письмо матери Лебедева, живущей под Курском, но, памятуя строгий наказ минского майора с тяжёлым лицом, – решив судьбой товарища больше не интересоваться и расспросами о нём никого не тревожить, делать этого не стал.

Безвестность, конечно, мучила Кондратюка.

«Наверное, Птицу перевели в Первое Главное управление КГБ! А там все сотрудники на нелегальном положении... – нафантазировал он себе дальнейшую судьбу Лебедева, и несколько утешился этой фантазией. – Сейчас Серёга где-нибудь «за бугром», тихо работает себе клерком в каком-нибудь учреждении одной из стран НАТО или торгует финиками в какой-то недружественной арабской, а то и африканской стране, зорко поглядывает вокруг из-под своих кустистых бровей, собирает нужную для Родины секретную информацию и за свершённые подвиги получает закрытыми указами звания и награды...»

Уже в двухтысячных, выйдя в запас, приехал Кондратюк в Курган на юбилей родного училища, встретился с однокашниками. Растолстевший и полысевший подполковник запаса Процик, тот самый, что ездил с ним в пионерлагерь на «Зарницу», на банкете оказался соседом Кондратюка по столу.

После нескольких торжественных тостов Кондратюк спросил Процика, знает ли он что-то о Лебедеве. Спросил, честно говоря, не надеясь на утвердительный ответ.

Процик живо отозвался:

– Конечно, знаю. Умер Лебедев в родной деревне. Сердце остановилось.

– Как же так, Толя?.. Серёга ведь всегда таким живчиком был... Вроде и не курил никогда, да и пил умеренно...

– Скажешь тоже – умеренно... Да его в запас турнули за то, что в пьяном виде стрельбу в ресторане устроил...

– Он же где-то за границей служил, в службе внешней разведки... Какая стрельба в ресторане?.. Я думал, он полковником уволился, как минимум...

Процик захохотал:

– Хо-хо, полковником, хо-хо-хо в СВР... Наш Ленинский стипендиат и золотой медалист закончил службу обыкновенным майором! Да!.. А насчёт заграницы – это ты точно заметил! Последнее место его службы – столица независимого Узбекистана Ташкент!

Кондратюк не поверил:

– Ты что-то путаешь! Наш Птица и вдруг – майор? Да он майора в восемьдесят седьмом вместе с нами получить должен был!

Процик отёр вспотевшую лысину ладонью:

– Точно, Андрюха, говорю! Лебедев – майор. И службу окончил в ТуркВО... Сам мне жаловался, что погорел из-за одной юбки. Мы же с ним земляки! Однажды в Курске поехал я в магазин за газонокосилкой для своей дачи... Гляжу – Серёга грабли выбирает! Хо-хо!.. Тут мне про судьбу свою и поплакался.

Кондратюк покачал головой.

– Как же так неосторожно?.. Влюбился, что ли?

Процик снова захохотал:

– Ага! И на старуху бывает проруха... Когда Серёгу начальником особого отдела назначили, одна баба, жена его подчинённого, закрутила с ним шуры-муры. Записала всё на камеру и стала Серёгу шантажировать, требуя выдвинуть её мужа на повышение... Птица шантаж терпеть не стал. Он же у нас идейный! Пошёл к начальнику управления и доложил всё без утайки. Мол, надо шантажистку приструнить. А генерал Серёгу снял с должности и сослал в особый отдел по Туркестанскому военному округу. Вот как бывает... с идейными-то! Жена с ним развелась, уехала с сыном обратно в Минск... Серёга приуныл было, но потом взял себя в руки и попытался приподняться, вернуть себе прежнюю должность. Да тут его бывшая сошлась с пианистом-евреем и задумала эмигрировать в Канаду. Стала требовать от Серёги разрешение на вывоз сына за рубеж. Серёга отказал. Она стала

писать письма во все инстанции. Словом, шум пошёл: как это у особиста жена, пусть даже бывшая, за пределы Родины выезжать собралась! Ни о каком повышении речи быть не могло! Так и уволился майором...

Процик наполнил рюмки водкой и продолжал, духарясь всё больше и больше:

– Вот ведь как бывает, Андрюха. Ленинский стипендиат, гордость училища – майор, а мы с тобой, училищные троечники... Давай выпьем за нас, за настоящих полковников! – накинул он себе лишнюю звезду.

Кондратюк, ошалевший от всего услышанного, машинально чокнулся с Проциком, который вызывал в нём всё большую неприязнь. Как-то не вязалось всё, что рассказал Процик, с образом чекиста Лебедева, который Кондратюк себе придумал.

«Наверное, Птица, случайно столкнувшись с Проциком, выложил ему одну из припасённых на всякий случай легенд... Не мог же он ему при встрече в магазине раскрыть всё, чем долгие годы на своей секретной службе занимался, где именно служил и в каком звании уволился... Вот и наплёл с три короба... А Процик уши развесил, принял всё за чистую монету и разносит сейчас эту легенду прикрытия по миру...»

И внезапная ранняя смерть Лебедева вызывала много вопросов.

«Разведчики ведь в запас не уходят! Наши спецслужбы вполне могли смерть Птицы имитировать, пустой гроб в землю зарыть... А сам он, как настоящий нелегал, уже где-нибудь в неизвестной стране под новым вымышленным именем выполняет новую тайную миссию!» – с этим глубоким убеждением Кондратюк и ушёл с банкета. Ушёл по-английски, не простившись с Проциком и другими однокурсниками, перебравшими на радостях от встречи с прошлым...

По дороге к гостинице, где он остановился, Кондратюк снова и снова возвращался к своим раздумьям о судьбе Сергея Лебедева, о тайне, которая её окутывает, и всё больше укреплялся в мысли в том, что золотой медалист и в Африке остаётся золотым медалистом, а секретная служба – на то и секретная, что подлинной информацией о судьбах своих сотрудников никогда не станет делиться с простыми смертными.

